

О ПОСЛЕДНИХ ПРЕДЕЛАХ¹

Митрополит АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

Беседа XII

В ходе наших бесед мы дошли до очень непростого момента. Мне предстоит обсудить с вами ряд вещей, которые следует обсуждать крайне осторожно и осмотрительно, и я не уверен, что способен на такой подход. Возможно, я мыслю слишком прямолинейно, недостаточно вдаюсь в оттенки того, о чем собираюсь говорить сегодня. Поэтому примите то, что я скажу, как материал для размышления, сверьте это с собственным опытом, со своими мыслями, с тем, что вы читали, и когда-нибудь, может быть, сегодня, а может быть, по ходу следующих бесед, мы обсудим это основательно, чтобы найти, где же правда относительно тех пунктов, которые я затрону сегодня.

Я хотел бы обсудить сегодня проблему вечных мук и вечного блаженства, которые связываются с представлениями об аде и рае, хотя не до конца выражают эти два понятия и не до конца совпадают с ними. Кроме того, я хотел бы обсудить одно место из творений св. Исаака Сирина, которое я упомянул в конце прошлой моей беседы.

Начнем с проблемы вечных мук и вечного блаженства. Когда эта проблема предстает нашему уму, тем более, когда мы читаем о ней в вероучительных книгах, она представляется совершенно простой и ясной. Суд разделяет свет от тьмы, добро от зла, жизнь от смерти, тех, кто Христовы, и тех, кто антихристовы. Открываются два совершенно разные пути, и в начале книги Дидахи, одного из древнейших текстов христианства, говорится, что есть два пути: путь спасения и путь гибели. И если мы продолжаем думать в этом направлении, нам представляется, что конечный результат — вечность, полная страданий,

¹ ©Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation. Редакция благодарит Фонд за предоставленную возможность публикации и Е.Л. Майданович, переводчика текста. Мы публикуем две (12-ю и 13-ю) из серии бесед, проведенных вл. Антонием в Лондоне в 1960—1961 гг. Полный цикл бесед митрополита Антония «О последних пределах» печатался в журнале «Альфа и омега» на протяжении 2011 и 2012 гг. Вскоре весь цикл должен выйти в свет отдельным изданием.

отвержения, гибели, и с другой стороны — вечное блаженство. И такая схема представляется мне несостоятельной, потому что она ставит на один уровень два рода вечности, которые, мне кажется, невозможно рассматривать как параллельные. Если вечные мучения и вечное блаженство поставить на одну доску, это означает, что вечность, полная мучений, проклятия, зла, приобретает качество вечности, равное вечности добра. Это означает, что обезбоженность, то есть отпадение от Бога, приобретает метафизическую плотность, реальность, тогда как единственная реальность — это Бог и жизнь в Боге. Это представляется не просто философской проблемой, но чем-то вполне реальным. Можно ли сказать, что быть живым в Боге или быть мертвым вне Бога — равнозначно? Можно ли сказать, что вечность вечной жизни одного порядка с вечностью гибели? Такая схема, как я уже сказал, вводит новое понятие, которое в корне противоречит Писанию, вере, нашему опыту, потому что представляет зло со-вечным добру в карикатурном решении проблемы зла и добра. На всем протяжении истории Писание и Церковь всегда учат нас, что единственная реальность — Бог. Только Бог реален, только Бог вечен, только Бог и то, что в Нем, имеет сущность, конкретность, реальность. И вдруг, с наступлением Суда, зло приобретает сущность, вещественность, конкретность. Это абсурдно не только с точки зрения логики, но и как окончательное поражение Божия замысла: как будто последнее слово на Суде утверждает зло вместо того, чтобы подорвать его основы. Это прямо противоположно решению задачи.

С другой стороны, когда мы обращаемся к понятию вечности, вечного, мы сразу видим, что должны рассматривать эти слова с двух совершенно различных точек зрения. Слово «вечный» в разговорном языке постоянно употребляется, чтобы обозначить бесконечную протяженность времени, дление без конца. Это — аспект вечности, который принадлежит тварному миру, бесконечное дление, ничего больше. И если вы помните нашу первую беседу о времени, о природе времени и его различных аспектах, вы, наверное, помните, что время и вечность несоизмеримы, потому что время возникает вместе с тварным миром. Время возникает, когда появляется первая тварь, время возникает, когда начинает быть что-то, чего не было. Пока не появилась первая тварь, времени нет. Таким образом, временная вечность, бесконечность времени принадлежит тварному миру и, значит, не принадлежит ни миру блаженства, ни миру гибели, а только миру переменчивости, колебания, периоду исканий в человеческой жизни или в течение истории.

Вечность имеет и другие значения. Когда мы говорим, что Бог вечен, мы не имеем в виду, что вечность — такая категория, в которой Бог су-

шествует и действует. Вечность, о которой говорится в связи с Богом, не есть категория Его бытия, не один из способов говорить о Боге: Божественная вечность тождественна Ему. Как Жизнь, как Любовь — лишь способы говорить о той же тайне, которую мы зовем *Бог*, так вечность, когда мы говорим о ней в связи с Богом, не есть что-то подобное времени или отличнее от него, она не имеет никакой общей меры, потому что время — вещь, пусть и вполне абстрактная. А вечность, когда мы говорим о ней в связи с Богом, совпадает с Ним и имеет качество Личного Бытия, так же как Истина, как Жизнь, как Любовь. Так что когда мы употребляем слово «вечность», мы оказываемся в присутствии двух абсолютно различных реалий, и мы видим, что они глубоко различны, их невозможно сопоставить. Это не две противостоящие вечности, одна темная, другая светлая, одна — вечность смерти, другая — жизни. В конечном итоге, Нетварное стоит перед лицом тварного, даже меньше чем тварного; они несоизмеримы, и, следовательно, когда мы говорим о двух вечностях, мы должны помнить это глубинное различие. Божественная вечность безвременна, вечность тварного мира принадлежит времени. Что касается Суда, то если читать Евангелия и некоторые Послания наряду с книгой Откровения, мне кажется, можно видеть (как я старался показать в прошлый раз) ряд ступеней в конечной эсхатологической судьбе тварного мира. Есть слова Христа: *миришь с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу. Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта* (Мф 5:25—26). Тут мы видим суждение, которое действует во времени, осуждение во времени, наказание, которое позволяет нам выйти из-под осуждения, освободиться от вины. Затем есть различные примеры, которые всегда используются как аргументы при спорах: тьма внешняя, скрежет зубов, червь неумирающий, огонь неугасающий, вернее, горящий вечно. Как следует понимать эту вечность? Эту вечность, как я уже сказал, можно понимать с двух точек зрения: либо она принадлежит миру тварности, и в таком случае слово «вечный» имеет временную коннотацию, которая ни бесконечна, ни абсолютна. Трудно обсуждать предмет таких слов, как *eternity* (вечность), или соответствующих слов в современных языках, но в греческом и в славянском языках эти слова *aeon*, *вечный*, говорят о времени, а не о безвременье, и корнями уходят в слова, которые говорят о промежутке времени, а не о чем-то, что не имеет конца. Так что мы вправе остановиться на этом и не делать заключений, которые не подтверждаются словами Священного Писания.

Если, с другой стороны, мы думаем о вечности мучений, равной по качеству Божественной вечности, тогда мы сталкиваемся с проблемой,

которая приводит нас к цитате из св. Исаака Сирина; эта вечность мучений может быть связана только с Самим Богом. Другими словами, и блаженство, и погибель коренятся в Нем; Он — вечность погибели, так же как Он — вечность спасения и блаженства. Можем ли мы принять это? Здесь я хотел бы привлечь к нашему обсуждению другую, довольно длинную цитату из св. Исаака Сирина и рассмотреть с вами различные ее пункты. Вот что он говорит:

«Говорю же, что мучимые в геенне поражаются бичом любви! И как горько и жестоко это мучение любви! Ибо ошутившие, что погрешили они против любви, терпят мучение вящее всякого приводящего в страх мучения; печаль, поражающая сердце за грех против любви, страшнее всякого возможного наказания. Неуместна никому такая мысль, будто грешники в геенне лишаются любви Божией. Любовь есть порождение ведения истины, которое (в чем всякий согласен) дается всем вообще. Но любовь силой своей действует двояко: она мучит грешников, как и здесь случается другу терпеть от друга, и веселит собою соблюдавших долг свой. И вот, по моему рассуждению, геенское мучение есть раскаяние. Души же горних сынов любовь упоывает своими утехами»².

Вот как прямо, без обиняков представляется проблема такому человеку, как Исаак Сирин. Нет ничего вне любви Божией, потому что ничто не может победить любовь Божию, превзойти ее. Слова Христовы: *Отче, прости им, ибо не знают, что делают!* (Лк 23:34) — говорят об абсолютной непоколебимости божественной любви. Любовь Божия обнимает тех, кто был верен, кто сам стал вместилищем этой таинственной божественной любви, но любовь Божия не оставляет и тех, кого Бог сотворил актом любви и кто оказался неверным, хотя Бог остался верным. Нет такой области, куда не достигает любовь, она присутствует везде: и на небе, и в аду. Но почему одно место становится местом блаженства, и другое — местом невыразимого мучения? Ответ можно найти, если сопоставить два места из подвижнических писаний св. Исаака: «мучимые в геенне поражаются бичом любви» и «любовь есть порождение ведения истины».

Это познание истины предлагается нам на протяжении всей нашей жизни, однако истина предстает нам в образах, в притчах, в смутных озарениях, и лишь в минуты ясных прозрений — в призывах Божиих. Познание истины бывает прикровенное на протяжении нашей жизни, оно — предмет веры и предмет возрастающего или уменьшающегося познания, оно принадлежит области нашего опыта через акт веры, но наш опыт порой бывает ясный, а временами затемняется. И в этих су-

² *Авва Исаак Сириянин*. Творения. Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911. С. 76.

мерках те, кто верит, кто способен доверять Богу, у кого достает мужества и простоты сердца не требовать света, кто готов вложить свою руку в руку Божию и отдаться Его водительству на потаённом пути, — те в этом неполном свете возрастают в познании истины.

Но когда наша жизнь подошла к концу, когда все ограничения этого падшего мира и *тело тления*, как его называет апостол Павел (ср. 1 Кор 15:53), отпадают, когда мы оказываемся лицом к лицу с истиной в чистом виде, познанию истины уже не требуется вера, оно — сама очевидность. И один из духовных писателей нашего времени, отец Александр Ельчанинов пишет, кажется, в своем *Дневнике*: Никто из созданий Божиих не в силах будет узреть Бога и не упасть ниц перед Ним со словами: Тебя только я и искал всю жизнь!.. И, однако, то, что было возможно в этой жизни при неполном свете веры и знания, уже невозможно теперь, когда воссиял полный свет. Поздно поступать по вере, поздно доверять Богу, поздно повиноваться Богу, потому что очевидность истины, неотвратимая абсолютность этой очевидности положила конец действию веры, пресекла возможность выбора. Выбора больше нет, и значит, с нашей стороны не может быть порыва любви, нами ведет только знание.

Тот же св. Исаак Сирий в другом месте говорит о том, что происходит тогда, употребляя образ из книги Откровения, что каждая душа, в которой внезапно родилась любовь вместе с неизбывным, неумолимым познанием Бога, каждая такая душа подобна жене в Апокалипсисе, которая была беременна и не могла родить ребенка (Откр 12:2). И тут начинается мука, потому что становится ясно, что единственное содержание жизни — любовь, будь то жизнь во времени или жизнь в ее абсолютности: в приобщенности Богу, — и любви-то и невозможно достичь, потому что любовь коренится в свободе, а очевидность отняла возможность выбора. И тут вся проблема доходит до предельной остроты — почему? Потому что: какое возможно решение? Что может произойти? Вслед за Оригеном, св. Григорий Нисский, столкнувшись с ужасом вечной гибели, которая не просто страдание во времени, но гораздо превосходит метафизическую трагедию бесконечной последовательности временных мгновений, попытался найти решение в словах: «Бог, будучи любовью, простит». Но если вы усвоили слова св. Исаака (не мой комментарий), то ясно, что дело тут вовсе не в прощении. Да, прощение подразумевается Божественной любовью. Но прощение уже не может быть дано и воспринято, а если бы и могло, то это означало бы уничтожение свободы, уничтожение выбора, вместо неизбежной гибели было бы неизбежное спасение, что означало бы ту же самую неспособность твари достичь тайны любви. Эту ситуацию вполне отражает исто-

рия Тантала в греческой мифологии, он не мог принять то, что предлагали ему боги.

Односторонним действием Божиим невозможно изменить вечную судьбу тех, кто теперь стоит лицом к лицу с единственной реальностью, кто понимает, что кроме любви никогда ничего не было, и поскольку выбора нет, оказывается перед лицом факта: любовь может быть адом, как любовь может быть раем. Выбора нет, и что осталось? С одной стороны, Бог всепрощающий и бесконечно любящий, вернее, Бог, Который — само прощение, сама любовь. С другой стороны, человек, который обнаружил, Кто такой Бог, обнаружил любовь, но уже не может (поскольку выбора нет, так как очевидность сменила проблески света) сделать выбор и войти в тайну любви, так как она коренится в тайне свободы. Это ужасающая ситуация грешника, который понимает, что осталась единственная реальность — любовь, и который любить не способен. Это один из самых трагичных образов ада, который мы находим в святоотеческой литературе, и он в общих чертах совпадает с коротким очерком об аде в романе Достоевского «Братья Карамазовы», где автор описывает ад словами «слишком поздно»³. Да, я вижу, но действовать уже не могу. Когда мог — я не видел. Но какова ситуация теперь? Она уже застыла, из нее нет выхода? Что случится, что может произойти?

Здесь мы должны вернуться к словам Апостольского символа веры: мы верим в воскресение тела и в жизнь будущего века. Творческие проблески веры, свобода выбора, возможность любить были даны всецелому человеку, воплощенной душе и телу, оживотворенному присутствием души; тело теперь упокоилось в могиле, а душа с ужасом предстоит тайне любви, которая есть тайна страдания.

Св. Исаак не оставил эти пункты без внимания. Он настоятельно указывает, что к вечной жизни призван всецелый человек, просто человек, и нет ничего окончательного, пока только душа или только тело оказываются в данной ситуации, перед лицом новой данности. По его мнению, только когда душа и тело окажутся снова вместе, произойдет нечто решающее, снова появится возможность выбора. На это можно возразить: разве не очевидно, что когда наши тела соединятся с душами, которые уже познали Бога, в едином порыве воли, в единстве души и тела человек выберет жизнь, Бога? Нет, все не так просто, и я пока отложу цитаты из Исаака Сирина, которые я приводил, и еще другие. Это не очевидно, потому что все не так-то просто. Судьбу человека составляет не просто судьба его души и тела. Это гораздо более сложная судьба со многими переплетениями.

³ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1970-1990. Т. 14. С. 292.

Я сейчас вернусь к тому, что говорил в начале этой серии бесед. Человек не просто проживает свою жизнь от рождения до смерти. Человек начинается, можно сказать, задолго до рождения и продолжает существовать много спустя после смерти. Задолго до рождения — не в том смысле, будто его душа имеет предсуществование и в какой-то момент посылается на землю: это учение отвергли и православная Церковь, и западное христианство. Не с нас все начинается, мы — звенья, потому что в костях и в плоти, и в душе мы являемся результатом каждого предшествовавшего поколения; и начинается это для каждого из нас от первых мужчины и женщины, которых сотворил Бог — и которые пали.

Мы — итог всех прошедших поколений, и то, чем мы являемся в душе и в теле, определяется всей предшествующей историей человечества. Точно так же, когда мы умираем, наша жизнь не оканчивается не только в том смысле, о чем мы все время говорили: душа предстает пред лицом Живого Бога, и судьба ее полна трагизма. Но и на земле каждый человек, кого мы встретили, каждый человек, который воспринял воздействие и отпечаток нашей личности, теперь связан с нами. Плоды наших действий остались на земле, и мы не вольны просто отбросить свое прошлое: ведь прошлое не прошло, оно — пребывающее настоящее. Люди, нам встретившиеся, восприняли семена нашей личности, отмечены ею, и каждый, кого мы встретили, с кем общались, пусть мимоходом, продолжает приносить плоды нашей жизни. Эти плоды могут быть нашим осуждением, могут быть и нашим искуплением. Они могут быть нашей славой, могут быть и нашим стыдом, но они тут, никуда не деваются. И при таком подходе оказывается, что когда наша душа и наше тело станут вместе, не так-то просто им будет сделать выбор, потому что при этом выборе им придется нести ответственность за чужие судьбы вокруг себя.

Есть еще другая сторона этой реальности на уровне и непосредственном, и косвенном. Все человечество — не просто совокупность индивидов, это род. Все вместе оно составляет всецелого человека. Каждый из нас — итог прошлого, каждый из нас — начало будущего, но это справедливо не только в одном каком-то направлении, но во всех направлениях. Так что в конечном итоге слова книги Откровения, что в Град Божий *принесут... славу и честь народов* (Откр 21:26), оказываются справедливыми не только в отношении народов, но и в отношении всецелого человека, который предстанет лицом к лицу с Богом. И здесь любой окажется ответственным за каждого и за всех, и в осуждение и во спасение. Так можем ли мы сказать, что все погибнут из-за грешников или что все спасутся благодаря праведникам? Это можно прояснить, если обратиться к словам Писания. Есть два отрывка, о которых я хотел

бы, чтобы вы задумались. Один — место книги Откровения, где говорится, что конец мира наступит, конец истории настанет, когда соберутся сто сорок четыре тысячи избранных (см. Откр 14:1). Сто сорок четыре — это двенадцать, помноженное на двенадцать, полнота из каждого колена Израилева. Ясно, что речь идет не о численности, это образ, полнота каждого колена, полнота всех колен. Но сама идея этого конечного итога истории, связанного с полнотой избранных, не указывает ли на предположение, которое я высказывал раньше, что придет время, когда те, кто во Христе, окажутся в силах понести на своих плечах всю тяготу мира? Вспомните, что частью человеческой истории являются не только избранные в этом тварном мире: среди колен Израилевых, по линии, нисходящей от Авраама, Исаака и Иакова, через Давида царя *Один* из людей — Иисус, родившийся в Вифлееме, Иисус из Назарета, истинный Бог, да, но и истинный Человек.

Тут мы сталкиваемся с последней проблемой, которую я хотел бы обсудить в следующий раз, — проблемой свободы в этой тайне спасения или трагедии гибели. Мы посмотрим, не пригодится ли тогда нам то, что мы узнали в начале из двух бесед о свободе, не поможет ли оно нам найти ответ, который придаст смысл всему, что нас приводило в недоумение. Это подведет нас ко второй цитате, которую я хотел бы, чтобы вы продумали, к словам апостола Павла, которые уже несколько раз упоминались, что когда Христос покорит всё, Сын покорится Отцу, и *будет Бог всё во всем* (1 Кор 15:28).

В моих словах было много спорного, и я хотел бы, чтобы вы над всем этим задумались, потому что это не просто отдельные мысли, которые мне пришли при подготовке к этим беседам. Это одна из самых трагических проблем не только каждой отдельной человеческой судьбы, но трагическая проблема, которую христианский мир должен разрешать перед лицом построений неверующих. Это один из основных пунктов обвинения против Бога, и мы не можем уклониться от него. Какой бы путь мы ни избрали, в какую бы сторону ни повели нас наши убеждения и опыт, мы и при жизни будем ответственны за свою жизнь и убеждения, и будем держать ответ перед Богом, Которого мы являем или Чей образ искажаем через то, каким мы представляем сотворенный Им мир и его конечную судьбу.

Беседа XIII

Сегодня я хотел бы подойти к какому-то заключению (хотя некоторые пункты нам еще придется обсудить позднее) и для начала напомним

вам некоторые основные выводы, которые мы сделали в предыдущих беседах. Прежде всего, говоря о проблеме вечного блаженства и вечно-го мучения, мы попытались разграничить два аспекта понятия вечности. С одной стороны, в обиходе, когда мы говорим о вечности, мы подразумеваем бесконечный временной ряд, своего рода тварную и временную вечность; с другой стороны, если мы хотим постичь вечность во всей ее глубине, во всем ее онтологическом, сущностном значении, мы должны помнить, что вечен — Бог, и единственная реальная вечность — в Боге, она — Сам Бог. И когда мы употребляем эти два понятия вечности, одно — вечности в рамках времени, другое — вневременной вечности, которая в Боге и Сам Бог, мы приходим к выводу, что если вечные муки принадлежат, как нам часто представляется, этой временной вечности, в результате оказывается, что вне Бога, противостоя Ему, устанавливается другое царство, царство зла, которое в результате последнего кризиса, то есть последнего суда, как будто обретает постоянство, сущность, уродливую реальность, каких зло не имеет в процессе истории. В таком случае суд утвердит зло в качестве реальности, противостоящей Богу, утвердит царство сатаны как вечную, длящуюся ситуацию. С другой стороны, если это для нас неприемлемо, то мы должны понимать, что вечную муку, как и вечное блаженство, можно представить себе только в соотношении с Богом не как нечто радикально «вне», а как нечто, имеющее отношение к тому, что «внутри».

Я приводил вам место из *Подвижнических слов* св. Исаака Сирина, где он говорит, что острота мучения, адский огонь — это сама любовь. Здесь следует подчеркнуть, что хотя Писание говорит о тьме внешней, о скрежете зубов, но, как я старался показать ранее, всё это, вероятно, составляет развитие, а не окончательная ситуация. Если адские муки причиняет божественная любовь, то нам следует задуматься над тем, что же это означает. Напомню, что Исаак Сирин говорит о том, что перед лицом Божиим, видя Его, Каков Он есть, созерцающая реальность тварного мира в его подлинном виде, и грешник, и праведник обнаруживают, что единственное содержание всего тварного и нетварного — любовь, что откровение Бога — это откровение самой любви. А поскольку человек был сотворен по образу Божию, подобным Богу, мучение, не находящее теперь себе выхода, заключается в любви, которая присутствует, но не может быть осуществлена. Видение и познание истины создает ситуацию зарождающейся любви, и, по образному выражению Исаака Сирина, мучение это подобно мукам беременной, которая не может разрешиться и родить ребенка. То есть перед нами следующая проблема: как разрешится эта ситуация дальше? На что мы можем надеяться? Что может произойти? Мы все помним простой, прямолиней-

ный способ, каким это положение определяют учебники, и обычно думаем: овцы и козлища, последнее отвержение и конечное блаженство. Мы видели, какие многообразные проблемы из этого вытекают, но какое решение можем мы предложить?

Сразу хочу подчеркнуть, что не предлагаю вам окончательное решение, но пытаюсь показать вам, что можно думать над этой темой по-иному. К проблеме этой вечной судьбы обращался Ориген, гностики, особенно живо и глубоко ее излагал Григорий Нисский. Церковь не приняла упрощенные решения, предложенные этими богословами и мыслителями в том, что касается всеобщего спасения, но Церковь с большой осмотрительностью постаралась не отвергнуть их учение в целом. Мы стоим перед проблемой. Все решения, предлагавшиеся до сих пор, неудовлетворительны; решения были отвергнуты, а проблема все еще существует. А что проблема существует, как я пытался показать в прошлый раз, ясно видно хотя бы из того, что, несмотря на все трафаретные утверждения относительно вечных мук грешника, нам то и дело говорят, что мы должны надеяться за пределом всякой надежды.

Во-первых, совершенно ясно и очевидно одно. Бог открылся во всей красоте, во всей истине Своего бытия, открыл Свое бытие как конечную и единственную цель человеческой жизни. Но зачатков ответной любви, которая не может найти себе выхода, недостаточно, чтобы преобразить ад в рай, потому что она проявляется слишком поздно. Да, слишком поздно, потому что невозможно сделать выбор в пользу любви в ответ на неизбежную очевидность, такой выбор можно делать только в проблесках веры среди сумерек нашего мира. Когда мы оказываемся лицом к лицу с неотвратимой очевидностью, делать выбор уже невозможно, потому что неизбежная очевидность упраздняет свободу, и сама тайна любви уже не является путем, а только конечным итогом.

С другой стороны, то, что описывает св. Исаак Сирий, не есть следствие неотвратимой очевидности, открытия, познания Бога, это также результат того, что тварь — потому что она была сотворена по образу Божию — способна отозваться на такое откровение Бога, на такое Его видение. И начиная с познания Бога через любовь, которая есть взаимоотношение, уникальное взаимоотношение, через любовь, которая устанавливает подобие, происходит познание, узнавание не только Бога: тварное существо открывает в себе Его образ и открывает, что есть только один путь, каким оно может стать самой собой в полноте и совершенно. Путь этот — таинство перерастания себя самого в приобщенности Богу из статического состояния в подобие, которое заключается в общности жизни и, тем самым, в динамическом сходстве. И тут мы снова встречаемся с проблемой свободы.

Если вы припомните нашу первую беседу о свободе, вы вспомните, что, помимо ограничения свободы, вызванного грехом, который повредил человеческую природу и исказил отношения человека с Богом, свобода тварного существа ограничена тремя факторами. Тварь вызвана из небытия односторонним Божественным действием, она не участвует в Божием решении, которое вызывает ее в бытие. Тварь ограничена в конце тем, что называют Судом (что было предметом нашего разбора и что мы сейчас именно рассматриваем), кризисом (так по-гречески называется суд), когда тварь видит непосредственно, чем она могла быть и не стала. И, в-третьих (тут связываются начало и конец), она ограничена той природой, которую Бог даровал твари, природой, которая определяется как образ Божий в нас, Его созданиях.

В заключение нашего разговора о свободе я обратил ваше внимание на то, что славянское слово «свобода» означает быть самим собой, быть подлинно собой. А теперь мы видим, что кризис, суд состоит в том, что заблудившаяся тварь, уклонившаяся от воли Божией, в которой — ее собственная полнота, с неминуемой очевидностью обнаруживает, что она не является самой собой, что она — уродство. Тварь не достигла того, чем ей было предназначено стать. Единственный путь, каким тварь может стать самой собой, это путь динамичного уподобления Богу, то есть перерастание всех ограничений, которые я упоминал, через приобщенность Богу, определяемую как «таинство любви и свободы», так что Божественная жизнь становится жизнью твари, и жизнь твари включается в Божественную жизнь. Если хотите образ, те ограничения, которые я упоминал выше, это как бы стороны и дно коробки, в которой оказалось тварное существо, и единственный ему путь к свободе — взлететь вверх, к небесам. Но есть и новый элемент; новизна состоит в том, что происходит не только открытие Бога как красоты, как истины, как жизни, но и открытие тварью своей собственной природы, своих собственных возможностей, и открытие пути. Путь открывается во Христе. Путь — Господь Иисус Христос, подлинный Человек, потому что Он одновременно человек и Бог, потому что в Нем Божество и человечество соединены навсегда в самовластной свободе двух природ.

Опять-таки, в каком-то смысле тварь и теперь свободна сделать выбор, потому что очевидность не принуждает, только показывает, что нет выхода или блаженства кроме как в Боге. Очевидность являет тварному существу его подлинную сущность, его призвание, его возможности. Возможности выбора ограничены, возможности перемен ограничены. Я уже говорил, и прав Достоевский, что ад можно определить словами:

«Слишком поздно!»⁴, сейчас уже слишком поздно. Возможно, этот момент соответствует тому, что Писание называет «смерть вторая» (Откр 20:14). Не осталось другой возможности, нет больше пути: тварь должна умереть, — умереть не только физической смертью, через которую она уже прошла, но второй смертью, отпадением от самой возможности *быть*. И, однако, св. Исаак Сирин подчеркивает, что и здесь у твари остается надежда: воскресение тела, когда тварь будет восстановлена в своей тварной полноте, потому что только человек в своей целостности может принять решение, усопшая душа в одиночку не может сделать выбор между погибелью и спасением.

Я уже не раз подчеркивал, что хотя с определенной точки зрения наши жизни можно рассматривать индивидуально, но нам может быть поставлен вопрос и так: что мы сделали со всем тем материалом, который нам был дан изначально — в нашем теле и в душе, — на протяжении нашей жизни, воздействиями и вкладом со стороны всего окружающего нас мира? Наша человеческая судьба переплетается с судьбой каждого человека, кто жил до нас или будет жить после нас, и, следовательно, окончательное суждение, которое последует за нашим воскресением из мертвых, будет зависеть не только от нашей жизни как индивидов, но и от того, что произошло прежде нас и после нас. Я уже говорил, что в ряду людей, в человеческой истории одно имя вписано: *Иисус*. Говорил я и о том, что добро и зло встречаются, пересекаются в страдании: страдание — вот место встречи зла и добра, и поражение зла непосредственно связано с проблемой страдальцев, которые получают власть простить — и власть связать. В Писании есть множество мест, которые показывают эту всеобщую взаимосвязь.

Я хотел бы привести одно из этих мест, отрывок из книги Откровения, где нам говорится, что конец времен настанет, когда исполнится полное число праведников, и названо само число: сто сорок четыре тысячи человек из всех колен Израилевых (Откр 7:4). Как бы строго мы ни придерживались слов Библии, невозможно не заметить, что это не число призванных к спасению, а все остальные будут отвергнуты. Во-первых, эти сто сорок четыре тысячи взяты из колен Израилевых, но к спасению призван не только Израиль. Во-вторых, как вы помните, колен было двенадцать; сто сорок четыре тысячи — это двенадцать, помноженное на сорок четыре же, и это распространенный в Ветхом и в Новом Завете символ. Двенадцать — это четыре, помноженное на три, знак полноты; тысячекратная степень указывает также на полноту. Так что, вероятно, подлинное значение этого места: Суд настанет тогда, когда

⁴ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1970—1990. Т. 14. С. 292..

земля принесет все плоды святости, которые она способна принести. Можно истолковать это двояко. Либо сказать, что в этот момент Бог будет удовлетворен и примет в Свое Царство всех праведников, которых земля способна принести, а остальные будут отвергнуты. Либо можно счесть, что с миром что-то произойдет, потому что мир принес весь плод святости, какого Бог ожидал от него. Св. Иринея Лионский придерживается второго мнения, он говорит о свершении спасения мира благодаря праведникам.

Если обратиться снова к книге Откровения, мы видим также два образа в Граде Божиим. Я не стану вычитывать этот отрывок, вы можете сами посмотреть его потом. В 21-й и 22-й главах даются две картины, не совсем одинаковые. В первом случае речь идет о последовательности событий, происходит большая война между Христом и антихристом, Христос побеждает, и вторая смерть наступает тех, кто в сумерках истории выбрал противную Ему сторону. И наступает тысячелетнее царствование Христа на земле вместе с избранными в граде, который описан в 21-й главе; град этот находится в мире, еще не достигшем исполнения, в мире, где спасение еще совершается. В начале 22-й главы говорится о древе жизни, которое приносит плоды двенадцать раз, *дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов* (Откр 22:2). И затем иное видение града, который возникает после того, как всё достигло полноты. Уже нет двух миров, остался один, единый мир, где воцарился Господь.

Связь между всеми этими различными элементами ставит вопросы. Я предложил вам всё, что могу сказать на эту тему, чтобы вы продумали, проверили, сверили с учением Церкви и с тем, что говорит Священное Писание. Исполнение, достижение святости мира можно понимать, как я уже сказал, как исполнение Божьего плана; эти святые — всё, чего Бог ожидал от земли. Его можно также понимать иным образом в прозрении Божиего замысла: вот святые, способные взять на себя вместе со Христом, истинным Человеком и истинным Богом, всю тяжесть, всю тяготу мира. Вы, наверно, помните слова апостола Павла: *восполняя недостаток в плоти моей скорбей Христовых* (Кол 1:24). Те, кто одолел зло, могут отпустить или связать, могут освободить или удержать. Они не могут отпустить тех, кто не готов быть свободным, но слова св. Исаака, которые я прочитал вам, возможно, дают место некоторого рода пониманию. Греховный мир открыл не только истину и правду Божию, не только понял, что нет света вне Бога, но понял, что и в нем самом нет света, помимо света Божия; и эта мука любви является (или можно так думать) последним призывом, последней мольбой, последним порывом к бытию, к полноте. Тут любовь и свобода равно находят

свое выражение и исполнение, и в ответ на вопль согрешивших (или, может быть, предворяя его) Тот, Кто является подлинным Человеком, и те, кто в Нем, кто является Его членами, получают возможность и силу и власть простить. Ни один грех не совершается так, чтобы не вовлечь кого-то в трагедию. Очень редко мы грешим против Бога, иначе как согрешая против человека. Так что каждый грешник — в руках своей жертвы (или своих жертв), а у них — власть разрешить его и власть связать его.

Думаю, на этом я остановлюсь и оставляю вопрос открытым. Если попытаться представить себе последовательность событий, связанных с судом, мы видим, что человек появляется, вызванный из небытия волей Божией, живет; он наделен природой, которую создал Бог и которая на протяжении столетий претерпевала и повреждения, и восстановление. В полутьме истории, в проблесках веры, в полусвете откровения, которое предложено в полноте, но воспринято еще неполно, человек выбирает свой путь. В какой-то день, после собственной смерти, он предстанет лицом к лицу с Богом, Которого теперь видит и открывает. Он открывает Бога как высшую правду, единственную реальность, как высшую красоту, как жизнь. Он открывает Бога как свое собственное исполнение, и открывает также, что сам по себе он безнадежно несостоятелен, потому что нет бытия кроме как в Боге, тварное существо не может быть, кроме как находя свое исполнение в Боге.

И здесь-то начинается мучение любви, для которой слишком поздно и которая — как теперь стало неотвратимо ясно — составляет единственное содержание всего. Выбор, решение, которое все изменило бы, не может быть принято как бы односторонне тварным существом, которое в кризисе, под судом: для этого слишком поздно. Выбор возможен только при проблесках веры и откровения, а не при неотвратимо ясной очевидности. Это время можно назвать адом, можно назвать чистилищем, можно назвать небом или раем, — но оно не соответствует ничему из того, как мы определяем эти понятия в категориях времени и состояния; это незавершенное исполнение или незавершенный провал. Только при воскресении тела блаженство и трагедия приобретают свою полную, окончательную силу, только тогда, когда не осталось уже человеческой биографии, а есть только человеческая история, подошедшая к своему концу, случается трагедия, которую мы называем *смертью второй*. Мы называем это событие одновременно тысячелетним царством Христа на земле, которая уже стала ветхой землей, а на небе, которое — ветхое небо, пребывает град, который стоит как бы на завоеванной земле.

В этот период происходит нечто, что описать мы не можем, нам известно только, что непосредственно после этого книга Откровения

предлагает нам вторую картину этого же града, в котором все уже достигло полноты, подобно тому, что говорит апостол Павел в своих посланиях, когда пишет, что когда Христос покорит под Свою власть всё, Он положит всё к ногам Отца, и тогда *Бог будет всё во всем*.

Остаются еще нерешенные проблемы. Есть проблема воскресения, проблема ада, проблема вечного блаженства: их нам придется рассмотреть в нашей последней беседе этого цикла. А пока что я хотел бы оставить вас с тем, на что указал сегодня. Это не пункты церковного учения, но и не противоречат ему. Они, возможно, необычны, и вам необходимо поразмышлять над ними, если вы хотите составить себе свободное и глубоко продуманное мнение о *Последних пределах*.

THE LAST THINGS

Metropolitan ANTHONY OF SOUROZH